

DOI: 10.17803/2542-2472.2025.36.4.026-033

СПРАВЕДЛИВОСТЬ БОЖЕСТВЕННАЯ И ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ: ОРДАЛИИ В СРЕДНЕВЕКОВОМ ЕВРОПЕЙСКОМ СУДЕБНОМ ПРОЦЕССЕ

РАКУРС

Калинина Елена Юрьевна,

профессор кафедры теории права и гражданско-правового образования
юридического факультета Российского государственного педагогического
университета имени А.И. Герцена, доктор юридических наук, доцент
191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48
bellaflor@mail.ru

© Калинина Е. Ю., 2025

***Аннотация.** Ордалии представляют собой обычную практику доказывания в судебном процессе. Их природа и правовое содержание обычно определяется как иррациональное, а разумность и применимость отвергаются. Целью настоящего исследования является выявление их рациональной составляющей в контексте эпохи, что позволяет совершить более глубокое погружение и предложить новые перспективы исследования. Выявлено, что применение ордалий основано на обстоятельствах, которые могут быть рационально обоснованными. Показано, что ордалии могут быть определены как средства доказывания, отличные от свидетельских показаний и документальных свидетельств. Они практиковались в Европе в IV–XIII вв., представляли собой обычную судебную процедуру, подкрепляемую в ряде случаев нормативной базой, и применялись, когда не было других способов доказывания. Церковь в основном относилась к ним с недоверием и с XIII в. начала напрямую запрещать, что привело к постепенному их отмиранию. Этот процесс совпал с окончанием институционализации государства и права современного типа, центром которых является суверенная публичная власть.*

Ключевые слова: ордалии; судебные испытания; обычное право; Средние века; Европа; справедливость; иррациональность; правосознание; правовая культура.

DIVINE AND HUMAN JUSTICE: TRIALS BY ORDEAL IN MEDIEVAL EUROPEAN COURTS

Elena Yu. Kalinina,

Dr. Sci. (Law), Associate Professor; Professor, Department of Theory of Law and Civil Law Education, Law Faculty, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russian Federation
bellaflor@mail.ru

Abstract. *Ordeals were a common means of proof in medieval litigation. Their nature and legal content are often characterized as irrational, and their rationality and applicability are commonly rejected. This study aims to identify the rational component of ordeals in the context of their era, offering deeper insight and new research perspectives. It reveals that the use of ordeals was based on circumstances that could be rationally justified and that ordeals can be understood as a form of evidence distinct from testimony and documentary proof. Practiced in Europe from the 4th to the 13th centuries, they were a widespread judicial procedure, sometimes supported by regulatory frameworks, and were used when no other methods of proof were available. The Church generally regarded them with distrust and, beginning in the 13th century, began to ban them outright, leading to their gradual demise. This development coincided with the emergence of modern state and legal institutions centered on sovereign public power.*

Keywords: *ordeals; judicial ordeals; customary law; middle ages; europe; justice; irrationality; legal consciousness; legal culture.*

И. А. Исаев ввел в российскую историко-правовую науку концепцию иррациональности и разработал методологический базис исследований¹, что позволило изучать историко-правовые процедуры, не укладывающиеся в современную картину мира. Ордалия — факт правосознания, обусловленный картиной мира. Убеждения наших предшественников, какими бы ни были их «заблуждения» (по нашим научным и юридическим стандартам), не являются безответственными и недобросовестными². Как заметил И. А. Исаев, «скрытая мудрость содержится преимущественно в предрассудке, который обладает движущей силой, а не в пассивной теоретической рассудительности»³. Ордалии нельзя считать «юридической аномалией», тупиковой формой эволюции судебного процесса. Они соответствовали обществу и времени; являлись воплощением права и справедливости, существовавшими в то время; считались допустимыми в соответствии с действующим правовым режимом.

В средневековой Европе эффективность судебных разбирательств с помощью ордалий неоднократно ставилась под сомнение как действительность «божественного вмешательства». Король Теодорих (VI в.) допустил проведение судебных поединков между остготами, поскольку это была традиция, но они именовались «порочным обычаем» (*consuetudinem reguersam*), а подданным рекомендовалось разрешать дела в рамках судебных процедур⁴. Григорий Турский в труде «История франков» (VI в.)

¹ Исаев И. А. Символизм правовой формы (историческая перспектива) // Правоведение. 2002. № 6 (245). С. 4–10.

² Maddox T. M. The Lawyer, the Witch, and the Witness: Proving Witchcraft in the English Courts // Yale Journal of Law & the Humanities. 2024. Vol. 35:4. P. 666–709.

³ Исаев И. А. Основная норма («скрижали революционного закона») // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 8. С. 21.

⁴ Moreno Resano E. Observaciones acerca del uso de las ordalías durante la Antigüedad Tardía (siglos IV–VII d. C.) // Cuadernos de Historia del Derecho. 2014. № 21. P. 180.

сообщает, что бывали случаи, когда власти оспаривали свидетельства, полученные в результате испытаний⁵.

Король Гунтрам не был удовлетворен исходом поединка между лесничим, указавшим на его постельничего как виновного в убийстве королевского буйвола, и выставленным вместо того на бой племянником. Согласно Салической правде, закон строго наказывал виновных в убийстве принадлежащей кому-то дичи⁶ (особенно королевской), но доказать было невозможно правоту ни одного, ни другого. Поединок закончился гибелью обоих бойцов. Вероятно, подобные случаи могли вызвать затруднения у судебной власти. Данная ситуация разрешилась спонтанно: обвиненный решил бежать и скрыться в церкви (право убежища), но король приказал поймать его и казнить (незвизрая на результат поединка). Еще один пример, будучи литературным, отражает, как образованная публика могла относиться к подобным процедурам. Готфрид Страсбургский, поэт конца XII — начала XIII в., в своей версии легенды о Тристане и Изольде описывает, как королева, явно виновная, дала клятву, в которой, жонглируя словами, придала другой смысл сообщению о факте измены, а затем прошла испытание железом. «Так стало очевидно и было доказано миру, что Иисус Христос всемогущий податлив, как плащ на ветру. Он умеет приспособливаться, если кто-то правильно его попросит, ведет себя так снисходительно и доброжелательно, как и подобает по справедливости. <...> Это было ясно в случае с королевой. Она была спасена обманом и ложной клятвой, которую она дала перед Богом, чтобы Он восстановил ее честь»⁷.

Другую сторону понимания этой практики демонстрирует пассаж из Хроники Жана Фруассара (XIV в.), посвященный судебному поединку из-за чести женщины (обвинение в изнасиловании, основанное только на словах пострадавшей)⁸: герои были готовы подвергнуться испытанию, полагая, что в случае даже непреднамеренной лжи они не смогут его пройти. Правовое обоснование этому факту обнаруживается в гл. XLV Бургундской правды, где еще в V–VI вв. законодатель записал, что «...если сторона, которой принесена присяга, не желает принять клятву, но заявляет, что ее противник может убедить в верности истине с помощью оружия, а другая сторона не сдается, пусть ему не будет отказано в разрешении сражаться. Таким образом, пусть один из тех же свидетелей, которые были бы вызваны для принесения присяги, предстанет перед судом Божьим. Ибо справедливо, что не колеблясь вступит в бой тот, кто без колебаний заявляет, что знает правду о деле...»⁹.

Хроники Фредегара (VII в.) повествуют о том, как королева Гундоберга была обвинена неким Адалульфом перед лицом ее мужа, короля Ариоальда, в том, что она в сговоре с герцогом Тассоном хотела отравить его и занять престол. Для доказательства невиновности королевы было предложено провести поединок между обвинителем и представителем оклеветанной женщины (хронист утверждает, что до этого она отвергла назойливые ухаживания обвинителя): «По Божьему рассуждению, когда они сразятся, станет ясно, виновна ли королева Гундоберга»¹⁰. Похожая ситуация сложилась в XI в.: королева Кунигунда Люксембургская, императрица Священной Римской империи, супруга императора Генриха II, была оклеветана и обвинена в супружеской измене. Она предпочла лично очистить свое имя посредством участия в испытании каленым железом.

⁵ Григорий Турский. История франков. Кн. 10. М. : Наука, 1987. С. 292.

⁶ Салическая правда. XXXIII. Прибав. 1, 2 / пер. проф. Н. П. Грацианского. М. : Московский государственный педагогический институт имени В.И. Ленина, 1950. С. 35.

⁷ *Gracia Alonso P.* El arco de los leales amadores A propósito de algunas ordalías literarias // *Revista de Literatura Medieval.* 1991. № 3. P. 100.

⁸ Фруассар Ж. Хроники. 1340–1350 / пер. и примеч. М. В. Аникиева. СПб. : Издательство РХГА; Ювента, 2012. С. 659–663.

⁹ *Moreno Resano E.* Op. cit. P. 179–180.

¹⁰ Хроники Фредегара / пер. с лат., комм., вступ. ст. Г. А. Шмидта. СПб. : Евразия; М. : ИД Клио, 2015. С. 213–214.

Стоит отметить законодательную деятельность лангобардского короля Лиутпранда (VIII в.), который был религиозным человеком: он преследовал язычество, магию и оккультизм, а основной функцией государства провозглашалось «выполнение божественной воли»¹¹. Он в 731 г. придал ордалиям юридическую силу в соответствии с их обычным характером, но с оговорками, основываясь на том, что результаты многих поединков привели к распространению *causas sine iustitia* — неюрисдикционному рассмотрению дел¹².

Судя по источникам и по многовековому существованию этой практики, люди были уверены в том, что смогут пройти эту процедуру и, очевидно, проходили. В частности, М. Ф. Владимирский-Буданов констатирует, что законодатель предполагает вероятность благополучного прохождения испытания, ведь если бы это было не так, то ордалии не смогли бы сохраняться так долго¹³. Обращение к высшим силам в судебном процессе в поиске справедливости в несправедливом мире сохранялось еще многие столетия¹⁴. Общий контекст общественных отношений обуславливал мифологическую картину мира, которая опиралась на повседневную рациональность. Это допускало вероятность получения информации от трансцендентных источников, особенно если не хватало иных средств доказывания и существовала опасность того, что дело не подлежит разрешению. Религиозная доктрина учила доверию по отношению к вмешательству высших сил в социальные практики. Но и оставалось пространство для рациональных сомнений.

Источниковая база изучения ордалий ограничена и противоречива, к ней относятся правовые акты, исходящие от публичной власти, и неправовые акты, содержащие упоминания о праве, «ряд памятников, занимающих промежуточное положение между нормативными и литургическими текстами»¹⁵: хроники, жития, фольклор, литературные тексты, эпические песни жеста, саги и т.п. В неправовых источниках описание ордалий превращается со временем в стереотипизированное повествование — о реальных фактах судить по ним невозможно. Трудности добавляет их иррациональность. В средневековой литературе нет более любопытного испытания, чем описанное в Первой общей хронике Кастилии (XIII в.)¹⁶. После подробного рассказа об историческом поединке, который должен был решить, заменит ли римский литургический обряд мосарабский, сообщается, что король Альфонсо VI не был удовлетворен результатом и настоял, чтобы состоялось второе испытание — огнем. Был разведен большой костер, и после того, как все присутствующие провели день в молитве и посте, в огонь были брошены кодексы каждого из обрядов: в то время как копия римского жаловалась и пыталась вырваться из пламени, пока не выпрыгнула из него, мосарабская копия осталась в огне без каких-либо повреждений¹⁷.

Определяющими признаками ордалий являются обычное происхождение, отсутствие всеобщего признания, принципиально вспомогательный характер и ограничение сферы их применения в зависимости от институциональных связей сторон и их этнической принадлежности¹⁸. Интерпретации ордалий учеными Нового времени показывают, что суд, который оставлял решение на милость воли Бога, как бы

¹¹ Цытин В., протоиерей. История Европы: дохристианской и христианской : в 16 т. Т. 7 : Новый Рим — центр вселенной. М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2011.

¹² Moreno Resano E. Op. cit. P. 171.

¹³ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. М. : Территория будущего, 2005. С. 722.

¹⁴ Torquemada Sánchez M. J. El divino defensor ordañas y mujeres en los fueros medievales castellanos // Historia de la abogacía española. 2015. Vol. 1. P. 364.

¹⁵ Золотарев А. Ю. Ордалии в англо-нормандское время // Известия Саратовского университета. Серия «История. Международные отношения». 2018. № 3. С. 314.

¹⁶ Primera Crónica General. Estoria de España. Que mandó componer Alfonso El Sabio y se continuaba bajo Sancho IV en 1289. Madrid : Agencia Estatal Boletín Oficial Del Estado, 2022. P. 543.

¹⁷ Gracia Alonso P. Op. cit. P. 100.

¹⁸ Moreno Resano E. Op. cit. P. 169.

устранялся от принятия решения, перекладывая ответственность на высшие силы. Это свидетельствовало о слабости власти, о том, что она еще не приобрела признаки публичности. Переход к формальным доказательствам знаменовал трансформацию права из обычая и прецедента как основополагающих источников в норму права. Р. ван Канегем, связывая использование ордалий с примитивной стадией развития права, считал, что глубокие изменения в социальной структуре и менталитете вызвали мощный поток модернизации, который положил конец примитивному правовому развитию¹⁹.

С VI в. происходит закрепление в правовых актах возможности использования в судебном процессе ордалии в качестве инструмента доказывания (Салическая правда, Бургундские законы, Вестготская правда, испанские фуэро, например Фуэро Куэнки, Русская Правда и т.п.), появляются акты, закрепляющие процедурные аспекты. До VII в. понятие суда божьего используется нечасто: например, в Бургундском законе (VI в.) есть упоминание о вмешательстве высших сил в юрисдикционный процесс (*Deo iudicante*). С VII в. этот вид судебного испытания упоминается как *Dei iudicium* (суд божий). В 198 ст. Эдикта короля Ротари (лангобарды, VII в.) говорится о поединке в случае оскорбления девушки или свободной женщины («назовет ее потаскухой или ведьмой») и отсутствия доказательств. «Однако же если упорствовал [в своем] и сказал, что он может доказать [свое обвинение], решается тогда само дело через *camphionem*, то есть посредством поединка, божьим приговором (*ad Dei iudicium*)»²⁰. В Салической правде существуют отсылки как к божьему суду, так и к божьей помощи франкам. В средневековой Европе не было безоговорочной веры по отношению к результатам подобных процедур. Уже к X в. среди священнослужителей начинает складываться устойчиво негативное отношение, возникает вопрос, не идет ли речь о завуалированных магических дохристианских практиках.

Острая дискуссия развернулась между такими церковными деятелями, как Гинкмар Реймский и Агобард Лионский (IX в.)²¹. Гинкмар был одним из немногих священнослужителей эпохи, которые выступали за применение ордалии и обосновывали его значение для христианской правовой практики. Его оппонентом был Агобард Лионский. В это время среди судебных процессов, в которых использовалась ордалии, выделялось дело о разводе короля Лотаря II и его жены Теутберги. У короля до брака было незаконное сожительство с некоей Вальдрадой. Некоторые исследователи считают, что между ними был заключен тайный брак, который в дальнейшем король пытался легализовать. Но по политическим причинам он вступил в супружество с Теутбергой. Поскольку детей у них не было, в скором времени Лотарь вернулся к отношениям с Вальдрадой, с которой имел сына Гуго. Он обратился к близким ему епископам с просьбой о разводе. Те сослались на то, что королева в исповеди якобы призналась в кровосмесительной неверности с собственным братом. Епископы организовали испытание кипятком. Королева его прошла (вместо нее выступил близкий ей дворянин), но гонения продолжались: епископы утверждали, что либо она солгала на исповеди, либо обманула Бога в процессе испытания. Склонялись они ко второму варианту, что оправдывало последующее одобрение ими развода, который не был принят папой и привел к их низложению.

На основании этой дискуссии выявлены аргументы за и против ордалий. Среди аргументов в пользу ордалий:

¹⁹ White S. D. La Traición En La Ficción Literaria. Derecho, Hecho y Ordalías En La Narrativa y La Épica En Francés Antiguo // *Hispania*. 2019. Vol. 57. No. 197. P. 963.

²⁰ Эдикт короля Ротари // *Законы лангобардов. Обычное право древнегерманского племени. (К раннему этногенезу итальянцев)* / Российская академия наук. М.: Наука, 1992. С. 39.

²¹ При изложении их позиций мы обращаемся к А. Ларсону: Larson A. *Playing with Fire: The Medieval Judicial Ordeals and their Downfall* // *Swarthmore Undergraduate History Journal*. 2021. Vol. 2. Iss. 2. P. 53–78.

— возможные истоки в Ветхом завете²². Потоп — прототип испытания водой, а Содом и Гоморра — огнем. Если Бог применяет такие испытания, то люди обязаны применять эту модель, поскольку система судопроизводства — интерпретация божественного закона;

— обман мог состояться на исповеди, поскольку на испытании (непосредственном общении с Богом) это невозможно. Тогда к испытанию стоило привлечь священнослужителя, который раскрыл тайну исповеди. Его также можно осудить за то, что он, зная тайну, открытую на исповеди, не остановил испытание, позволив королеве лжесвидетельствовать.

Среди аргументов против:

— если обвиняемый признан виновным или один из участников погибал во время прохождения испытания, служители Церкви замешаны в этом. Люди не могут наказывать грешников, поскольку только Бог может знать истинную меру греха и полагающееся наказание. Нередко акты Церкви называют победившего убийцей, как, например, в «Послании митрополита Фотия в Новгород о соблюдении законоположений церковных» 1410 г.²³;

— со стороны судей самонадеянно утверждать, что они однозначно и верно интерпретировали Его волю;

— вода и огонь как очищающие субстанции характерны для языческого мышления. Сама процедура ордалий — способ «допрашивать» или «искушать» Бога — вызывает сомнения.

Можно определить ордалии как процедуру, применяемую в отдельных случаях для разрешения спора вне рамок обычных средств доказывания. Она могла предоставить доказательства, если не было свидетельских показаний или документальных свидетельств, разрешить спор, который не мог быть разрешен в судебном порядке. В 1215 г. на IV Латеранском соборе принимается ряд решений, которые касаются и этого инструмента правосудия, и в течение нескольких столетий практика начинает затухать. Эти практики для Средневековья не более иррациональны, чем для современности суд присяжных²⁴. По сравнению с позднеримской системой правосудия, они обладали прозрачностью и простотой толкования. Римляне и германцы могли предпочесть опасную, но предсказуемую систему судебных испытаний, а потому нередко просили разрешить дело, например, путем поединка, прежде чем сталкиваться с длительными и дорогостоящими процессами с неопределенным результатом. Трудно провести границу между рациональной и иррациональной составляющей этих практик: «В жизни нет четких границ между рационально мотивированной ориентацией на порядок и верой в его легитимность»²⁵. Их применение обуславливалось обстоятельствами, поддающимися изучению. Пока не сложилось право как «защищенный государством интерес» и в качестве защиты не «выступают виды принудительного осуществления права: судебный иск, исполнительное производство по судебному приговору, наказание»²⁶, — обычай в том виде, как он понимается обществом, будет доминировать среди инструментов защиты прав. Право — отражение ментальности общества. То, что мы считаем иррациональностью, — результат нашего неполного понимания, неполного погружения в историко-правовой процесс, попытка применить рассудочные схемы, созданные в контексте современности.

Испытания были проявлением мужества со стороны того, кто решился их пройти, чтобы очистить свое имя, доказать правоту в мире, где право и государство еще

²² Hierrezuelo Conde G. El problema del germanismo en el Derecho español // Revista de estudios histórico-jurídicos. 2014. № 22. P. 569.

²³ См.: Оспенников Ю. В. Божий суд в древнерусском праве // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. 2010. № 1. С. 128.

²⁴ Larson A. Op. cit. P. 52.

²⁵ Исаев И. А. Симулякры: виртуальная реальность закона // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 5. С. 32.

²⁶ Румянцева В. Г. «Власть должна быть ограничена правом во имя справедливости» // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 6. С. 209.

не институционализированы. Ордалии предполагали опасность гибели или получения увечий, но были отражением социальной жизни. Кризис политико-правовых ценностей, последовавший за исчезновением Римской империи с жестким укладом жизни, сформированным правом и государственным управлением, требовал создания новых норм и институтов, регулирующих применение силы, легализующих монополию на принуждение со стороны публичной власти.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. *Владимирский-Буданов М. Ф.* Обзор истории русского права. — М. : Территория будущего, 2005. — 800 с.
2. *Григорий Турский.* История франков. — М. : Наука, 1987. — 464 с.
3. *Золотарев А. Ю.* Ордалии в англо-нормандское время // Известия Саратовского университета. Серия «История. Международные отношения». — 2018. — № 3. — С. 314–318.
4. *Исаев И. А.* Основная норма («скрижали революционного закона») // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2018. — № 8. — С. 20–33.
5. *Исаев И. А.* Символизм правовой формы (историческая перспектива) // Правоведение. — 2002. — № 6 (245). — С. 4–10.
6. *Исаев И. А.* Симулякры: виртуальная реальность закона // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2021. — № 5. — С. 30–40.
7. *Оспенников Ю. В.* Божий суд в древнерусском праве // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. — 2010. — № 1. — С. 127–131.
8. *Румянцева В. Г.* «Власть должна быть ограничена правом во имя справедливости» // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). — 2021. — № 6. — С. 207–209.
9. Салическая правда / пер. проф. Н. П. Грацианского. — М. : Московский государственный педагогический институт имени В.И. Ленина, 1950. — 168 с.
10. *Фруассар Ж.* Хроники. 1340–1350 / пер. и примеч. М. В. Аникиева. — СПб. : Издательство РХГА ; Ювента, 2012. — 856 с.
11. Хроники Фредегара / пер. с лат., комм., вступ. ст. Г. А. Шмидта. — СПб. : Евразия; М. : ИД Клио, 2015. — 464 с.
12. *Цыпин В., протоиерей.* История Европы: дохристианской и христианской : в 16 т. Т. 7 : Новый Рим — центр вселенной. — М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2011. — 776 с.
13. Эдикт короля Ротари // Законы лангобардов. Обычное право древнегерманского племени. (К раннему этногенезу итальянцев) / Российская академия наук. — М. : Наука, 1992. — 283 с.
14. *Gracia Alonso P.* El arco de los leales amadores A propósito de algunas ordalías literarias // Revista de Literatura Medieval. — 1991. — № 3. — P. 95–116.
15. *Hierrezuelo Conde G.* El problema del germanismo en el Derecho español // Revista de estudios histórico-jurídicos. — 2014. — № 22. — P. 567–569.
16. *Larson A.* Playing with Fire: The Medieval Judicial Ordeals and their Downfall // Swarthmore Undergraduate History Journal. — 2021. — Vol. 2. — Iss. 2. — P. 53–78.
17. *Maddox T. M.* The Lawyer, the Witch, and the Witness: Proving Witchcraft in the English Courts // Yale Journal of Law & the Humanities. — 2024. — Vol. 35:4. — P. 666–709.
18. *Moreno Resano E.* Observaciones acerca del uso de las ordalías durante la Antigüedad Tardía (siglos IV–VII d. C.) // Cuadernos de Historia del Derecho. — 2014. — № 21. — P. 167–188.
19. Primera Crónica General. Estoria de España. Que mandó componer Alfonso El Sabio y se continuaba bajo Sancho IV en 1289 / Edición de Ramón Menéndez Pidal, 1906. — Madrid : Agencia Estatal Boletín Oficial Del Estado, 2022. — 794 p.
20. *Torquemada Sánchez M. J.* El divino defensor ordalías y mujeres en los fueros medievales castellanos // Historia de la abogacía española. — 2015. — Vol. 1. — P. 329–369.
21. *White S. D.* La Traición En La Ficción Literaria. Derecho, Hecho y Ordalías En La Narrativa y La Épica En Francés Antiguo // Hispania. — 2019. — Vol. 57. — № 197. — P. 957–980.

REFERENCES

1. Vladimirskii-Budanov MF. A Survey of the History of Russian Law. Moscow: Territoriya Budushchego Publ.; 2005. (In Russ.).
2. Gregoriy Turskiy. History of the Franks. Moscow: Nauka Publ.; 1987. (In Russ.).
3. Zolotarev AYu. Ordeals in Anglo-Norman Times. *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*. 2018;3:314-318. (In Russ.).
4. Isaev IA. The Basic Norma («Tablets of the Revolutionary Law»). *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2018;8:20-33. (In Russ.).
5. Isaev IA. Symbolism of Legal Form (Historical Perspective). *Pravovedenie*. 2002;6(245):4-10.
6. Isaev IA. Simulacra: The Virtual Reality of Law. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2021;5:30-40. (In Russ.).
7. Ospennikov YuV. God's Judgment in Old Russian Law. *Vector of Science, Togliatti State University*. 2010;1:127-131. (In Russ.).
8. Rumyantseva VG. Power Must Be Limited by Law in the Name of Justice. *Courier of Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*. 2021;6:207-209. (In Russ.).
9. Salic Law. Trans. by Prof. N. P. Gratziansky. Moscow: Lenin Moscow State Pedagogical Institute Publ.; 1950. (In Russ.).
10. Froissart J. Chronicles. 1340–1350. Trans. and notes by M. V. Anikieva. St. Petersburg: RKhGA Publ.; Yuventa Publ.; 2012. (In Russ.).
11. The Chronicle of Fredegar. Trans. from Latin, commentary and intro by G. A. Schmidt. St. Petersburg: Evraziya Publ.; Moscow: ID Klio Publ.; 2015. (In Russ.).
12. Tsylin V, Archpriest. History of Europe: Pre-Christian and Christian. In 16 vols. Vol. 7: New Rome — the Center of the Universe. Moscow: Sretensky Monastery Publ.; 2011. (In Russ.).
13. Edict of King Rotari. In: The Laws of the Lombards. Customary Law of an Ancient Germanic Tribe (On the Early Ethnogenesis of the Italians). Russian Academy of Sciences. Moscow: Nauka Publ.; 1992. (In Russ.).
14. Gracia Alonso P. El arco de los leales amadores A propósito de algunas ordalías literarias. *Revista de Literatura Medieval*. 1991;3:95-116.
15. Hierrezuelo Conde G. El problema del germanismo en el Derecho español. *Revista de estudios histórico-jurídicos*. 2014;2:567-569.
16. Larson A. Playing with Fire: The Medieval Judicial Ordeals and their Downfall. *Swarthmore Undergraduate History Journal*. 2021;2(2):53-78.
17. Maddox TM. The Lawyer, the Witch, and the Witness: Proving Witchcraft in the English Courts. *Yale Journal of Law & the Humanities*. 2024;35(4):666-709.
18. Moreno Resano E. Observaciones acerca del uso de las ordalías durante la Antigüedad Tardía (siglos IV–VII d. C.). *Cuadernos de Historia del Derecho*. 2014;21:167-188.
19. Primera Crónica General. Estoria de España. Que mandó componer Alfonso El Sabio y se continuaba bajo Sancho IV en 1289. In: Edición de Ramón Menéndez Pidal; 1906. Madrid: Agencia Estatal Boletín Oficial Del Estado; 2022.
20. Torquemada Sánchez MJ. El divino defensor ordalías y mujeres en los fueros medievales castellanos. *Historia de la abogacía española*. 2015;1:329-369.
21. White SD. La Traición En La Ficción Literaria. Derecho, Hecho y Ordalías En La Narrativa y La Épica En Francés Antiguo. *Hispania*. 2019;57(197):957-980.